

ни раскрою, все хорошо. <...> Очень талантлив».

Писателем «большой талантливости» называл Куприна не щедрый на похвалы И. Бунин.

«Его простой, не умничающий, а умный рассказ, его внимание и уважение к обыденному — все это соединяет его перо с большими старыми мастерами русского слова», — писал В. В. Розанов.

Сам В. Набоков, рецензируя эмигрантскую книгу «Елань» (1929), пишет о Куприне как ученик об учителе: «Обо всем он пишет превосходно, но есть на свете нечто, о чем он особенно хорошо пишет. Зрение и нюх, всегда обостренные у писателя, доходят тогда до предельной проникновенности, и обычный уровень писательской наблюдательности сразу повышается, ибо тут постоянная творческая зоркость облагораживается опытом знатока. Сам Куприн отмечает, что, когда русский человек говорит о своем привычном и любимом деле, поражаешься точности и чистоте языка, сжатой свободе речи и легкой послушности необходимых слов. Когда же не просто русский человек, а русский писатель, получивший от Бога щедрый дар, говорит о том, что он знает и любит, о безысходном в своей нежности и странности влечении, — тогда, можете себе представить, какая у него точность и чистота выражений, как волнуют его слова».

Этим отзывом великого мастера можно было бы и закончить юбилейную статью, дополнив ее цитатами из неизвестных нам ранее мемуарных очерков Тэффи, Л. Врангель, Л. Арсеньевой, В. Крымова. И порадоваться тому, что мы наконец прочли ранее не публиковавшиеся в России талантливые произведения Куприна, написанные во время гражданской войны и эмиграции. Например, прекрасные очерки «Купол св. Исаакия Далматского»¹.

Но те же «великие» писали о Куприне жестко и совсем не юбилейно.

Толстой: «У Куприна никакой идеи нет, он просто офицер» (29 окт. 1907 г.).

Бунин: «...но всегда многое задевало меня даже и в лучших его рассказах». И далее приводит убийственные для писателя примеры ходульных фраз и трафаретных образов.

Набоков: «Талант автора так и прыщет из каждой, даже неряшливой, строки; однако почему-то сдается, что иные

страницы являются просто быстрыми записями, просто материалом, — живым и богатым материалом, — для более гармонических и строгих трудов».

Почему возникают эти «но»?

У Куприна нет ни одного произведения, которое можно было бы назвать шедевром. В самых лучших его рассказах есть элемент безвкусицы. Почему же охотно прощали и до сих пор прощают читатели Куприну его некоторую эстетическую глухоту?

Здесь попробуем не согласиться с Толстым. У Куприна есть идея, хотя он не философ и не мыслитель. Вернее, он сделал несколько открытий. Одно из них заключается в том, что сознание человека — это всего лишь тонкая пленка культуры, под которой «хаос шевелится». Конечно, Достоевский и Толстой тоже погружались в темные глубины бессознательного. Человек, по Достоевскому, слишком широк, так как одинаково стремится и к идеалу Мадонны, и ко всякому безобразию. Но Раскольников все-таки воскреснет, а Дмитрий Карамазов поймет, что каждый за все и за всех виноват. Андрей Болконский умрет, а бедный Петя Ростов погибнет в бою, но Пьер и Наташа, Николай Ростов и Марья будут счастливы, а их дети, конечно же, станут деятелями великих реформ и религиозными подвижниками, а их внуки — Флоренскими и Набоковыми.

Толстой и Достоевский — оптимисты. В XX веке трудно быть оптимистом. Мудрый скептик Чехов и трагический Леонид Андреев открывают так бесславно кончающийся XX век.

Куприн очень хочет быть оптимистом. В финале знаменитого «Гамбринуса» звучит светлая надежда: «Ничего! Человека можно искалечить, но искусство все перетерпит и все победит». В центре рассказа изображение того, как во время первой русской революции «растроганные общей чистой радостью и умиленные светом грядущего братства» идут по улицам люди «под символами завоеванной свободы». Теплая и красивая риторика. Правда же вот в чем. Те же самые люди, подчеркнем — те же самые, что шли по улицам «умиленные светом грядущего братства», через некоторое время столь же самозабвенно участвуют в еврейских погромах. И не потому, что им приказали, и не потому, что они ненавидят евреев. Просто грязный и хитрый дьявол, живущий в каждом человеке, обещал им познание «за-

¹ «Нева», 1992, № 1.